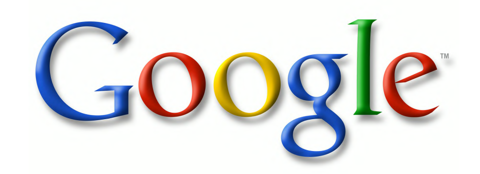

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

ПРОЕКТЪ
ИМПЕРАТОРСКАГО СОВѢТА
ВЪ ПЕРВЫЙ ГОДЪ ЦАРСТВОВАНІЯ
ЕКАТЕРИНЫ II.

Н. Д. Чечулина.

С.-Петербургъ.
Типографія В. С. Балашева и Ко, Екатерининскій кан., 80.
1894.

Извлечено изъ „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія“, мартъ 1894 г.

Извѣстно, что уже въ первый годъ царствованія Екатерины II въ средѣ вліятельнѣйшихъ лицъ тогдашняго правительства возникалъ проектъ образовать въ Россіи „Императорскій совѣтъ". Эпизодъ этотъ сталъ извѣстенъ довольно обстоятельно послѣ появленія въ 1871 году VII-го тома „Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества", гдѣ напечатаны всѣ представленныя императрицѣ Н. И. Панинымъ по этому поводу бумаги, а особенно—послѣ выхода въ свѣтъ XXV-го тома „Исторіи Россіи" Соловьева, который пользовался подлинными документами Государственнаго архива и сообщилъ нѣсколько добавленій къ ихъ изданію въ VII томѣ Сборника. Въ громадномъ своемъ трудѣ Соловьевъ отнесся и къ этому эпизоду такъ же, какъ только и могъ онъ относиться къ подобнымъ отдѣльнымъ вопросамъ, во множествѣ возникавшимъ для него, особенно при изложеніи періодовъ, прежде совершенно не разработанныхъ: онъ пересказалъ довольно обстоятельно относящіеся къ нему документы и высказалъ о немъ нѣсколько замѣчаній, не вдаваясь въ обстоятельное разсмотрѣніе всего, что имѣло отношеніе къ возникновенію и отверженію этого проекта. Соловьевъ представляетъ это дѣло такъ, что будто бы въ данномъ случаѣ Н. И. Панинъ настойчиво предлагалъ Екатеринѣ учредить совѣтъ, тогда какъ императрица относилась къ его проекту несочувственно и подозрительно; по его мнѣнію, проектъ этотъ долженъ былъ раздражать и даже оскорблять Екатерину, ибо она не могла не видѣть въ немъ недовѣрія къ своему уму и умѣнью устранить излишнее вліяніе фаворитовъ на государственныя дѣла, но что вмѣстѣ съ тѣмъ она, будто бы, считала нужнымъ по крайней

мѣрѣ для виду уступать [1]). Взглядъ Соловьева на роль Панина въ данномъ случаѣ былъ цѣликомъ усвоенъ и другими учеными и стало почти общимъ мѣстомъ, что Екатеринѣ пришлось путемъ уловокъ и хитростей отклонять настойчивыя притязанія Панина ограничить ея самодержавную власть [2]). Такое мнѣніе принято было тѣмъ легче, что положеніе императрицы въ первое время ея царствованія было, дѣйствительно, очень тяжелое, и отчасти зависимое отъ ея ближайшихъ пособниковъ. Въ настоящей замѣткѣ мы разсмотримъ, на сколько правильно такое объясненіе этого проекта, и воспользуемся тѣми свѣдѣніями, которыя даютъ возможность прослѣдить судьбу его нѣсколько далѣе по времени.

Напомнимъ сначала въ общихъ чертахъ самый ходъ этого дѣла и сущность Панинскаго проекта [3]). Въ Государственномъ архивѣ хранится манифестъ объ учрежденіи этого совѣта, подписанный императрицею 28-го декабря 1762 г., но съ надорванною затѣмъ подписью; вмѣстѣ съ нимъ находятся два черновые проекта этого манифеста, при чемъ второй заключаетъ нѣсколько редакціонныхъ поправокъ сравнительно съ первымъ; все это написано рукою Н. И. Панина; имъ же написана и докладная записка для императрицы по вопросу объ учрежденіи совѣта, которая хранится вмѣстѣ съ перечисленными бумагами. Манифестъ помѣщенъ въ листъ бумаги, на которомъ рукою императора Николая Павловича написано: „Сей манифестъ найденъ мною въ кабинетѣ покойнаго императора Александра Павловича. 14-го ноября 1826 г. Николай“ [4]). Существованіе двухъ черновиковъ указываетъ съ несомнѣнностью, что проектъ манифеста тщательно просматривался императрицей и подвергся нѣкоторымъ передѣлкамъ. По желанію императрицы, изъ характеристики времени послѣ Петра Великаго до ея воцаренія выпущено было слово „варварскимъ“ во фразѣ: „и не можетъ ли сіе злоключительное положеніе быть уподоблено тѣмъ *варварскимъ* временамъ“; противъ этого императрица написала на полѣ: „правда, что жалѣть было о томъ должно,

---

[1]) *Соловьевъ*, Исторія Россіи, т. XXV, изд. 2-е, 144, 171—172.

[2]) См. *Градовскій*, Начала русскаго государственнаго права, II, 207; *Щегловъ*, Государственный совѣтъ въ Россіи, 663—668; ни одинъ изъ рецензентовъ XXV т. „Исторіи“ Соловьева не высказывалъ несогласія съ его взглядомъ на это дѣло.

[3]) См. Сборникъ Импер. Рус. Ист. Общ., т. VII, 200, 201.

[4]) Сборникъ, VII, 217; поэтому предположеніе *В. Г. Щеглова* („Государственный совѣтъ въ Россіи“, 666), что съ проектомъ Панина справлялись при Александрѣ I при учрежденіи государственнаго совѣта, вполнѣ вѣроятно.

но неправда то, чтобъ мы потому были хуже татаръ и калмыковъ; а хотябъ и были таковы, то и при томъ кажется мнѣ, что употребленіе столь сильныхъ словъ неприлично нашей собственной славѣ, да и *персональнымъ интересамъ нашимъ противно такое, на всю націю и самыхъ предковъ нашихъ указующее поношеніе*". Затѣмъ выпущено было слово „министры", пояснявшее титулъ „статскіе секретари"; Екатерина приписала противъ этого слова: „слово *министры* не можно ли переименовать русскимъ языкомъ и точную дать силу" [1]). Когда подписанный манифестъ былъ надорванъ,—на это мы не имѣемъ точныхъ указаній; не правильно, однако, предположеніе, высказанное однажды въ ученой литературѣ, что онъ былъ и надорванъ „въ тотъ же день 28-го декабря": указаній на это нѣтъ никакихъ, а напротивъ, есть основанія думать, что это произошло позднѣе, быть можетъ мѣсяцемъ или даже болѣе; прусскій посланникъ, гр. Сольмсъ, въ депешѣ отъ 6-го (17) января 1763 г., сообщаетъ дошедшій до него слухъ, что императрица рѣшилась „избрать пять или шесть человѣкъ, которые будутъ, со званіемъ статсъ-секретарей управлять коллегіями; они будутъ собираться въ кабинетъ императрицы, докладывать ей каждый по своей отрасли и получать отъ нея приказанія"; онъ говоритъ при этомъ, что „всѣ распоряженія уже сдѣланы и вскорѣ будутъ приведены въ исполненіе" [2]). Австрійскій посланникъ гр. Мерси д'Аржанто въ февралѣ 1763 г. доносилъ, что при дворѣ Екатерины „сначала намѣрены были учредить для завѣдыванія внѣшними дѣлами государственный совѣтъ. Это предположеніе обсуждалось въ собраніи знатнѣйшихъ лицъ русской націи и по вопросамъ о назначеніи членовъ совѣта и способѣ созданія этого учрежденія между ними обнаружилось большое несогласіе, такъ что самое предположеніе *будетъ* совершенно *оставлено*" [3]). Только уже въ іюнѣ гр. Сольмсъ доносилъ, что хотя Панинъ взялъ на себя составленіе плана необходимыхъ государственныхъ преобразованій, но это громадное предпріятіе оказалось выше его силъ и дѣятельности, и изъ всего, что онъ предпринялъ разомъ, ничего не окончено [4]). Наконецъ, одно изъ замѣчаній, поданныхъ императрицѣ кѣмъ то изъ получавшихъ для просмотра проектъ совѣта, помѣчено 8-мъ февраля

---

[1]) *Соловьевъ*, XXV, 174; Сборникъ, VII, 210.

[2]) Сборникъ, т. XXII, 20—21.

[3]) Сборникъ, т. XLVI, 342, 345.

[4]) Сборникъ, т. XXII, 67.

1768 года; слѣдовательно, очень вѣроятно, что и въ февралѣ 1763 г. мысль объ учрежденіи совѣта не была еще оставлена [1]). Такимъ образомъ, не имѣя возможности установить, когда именно былъ лишенъ силы подписанный 28-го декабря 1762 г. манифестъ, мы можемъ утверждать, что во всякомъ случаѣ это произошло не того же 28-го декабря, а нѣсколько позже.

Манифестъ [2]) начинается указаніемъ, что въ управленіи Россіи установился неправильный и вредный для государства порядокъ, а именно „въ производствѣ дѣлъ дѣйствовала болѣе сила персонъ, нежели власть мѣстъ государственныхъ", при чемъ всѣ государственныя установленія послѣ Петра Великаго „не имѣвъ прямого государственнаго основанія и не получая силы прочности, перемѣною временъ или сами упадали или подвергались руководству припадочныхъ и случайныхъ людей", то-есть, фаворитовъ; затѣмъ, со ссылкою на манифестъ, отъ 6-го іюля 1762 г. [3]), повторяется данное тамъ обѣщаніе „непоколебимо утвердить форму и порядокъ, которыми, подъ императорскою самодержавною властью, государство навсегда управляемо быть должно"; далѣе отъ имени императрицы объявляется: „хотимъ и учреждаемъ Императорскій совѣтъ. Оный состоитъ въ шести и до осми персонахъ, которые и именоваться должны Императорскими совѣтниками, а число ихъ никогда восми превосходить и меньше шести умаляться не должно" (п. 1). Въ совѣтѣ этомъ должны быть четыре „статскіе секретаря", для завѣдыванія дѣлами иностранными, внутренними, военными и морскими, при чемъ каждый изъ нихъ имѣетъ мѣсто въ соотвѣтственной коллегіи, а статсъ-секретарь по внутреннимъ дѣламъ долженъ быть сенаторомъ и имѣть мѣсто „во всѣхъ коллегіяхъ, принадлежащихъ тому департаменту" (п. 2). Въ вѣдѣніи этого совѣта должны быть всѣ дѣла „яко у насъ собственно" (п. 4); слѣдовательно, не остается никакого рода дѣлъ, вѣдѣніе которыхъ

---

[1]) Архивъ кн. Воронцова, XXVI, 1—4.

[2]) Сборникъ, VII, 209—217, и *Даневскій*, „Исторія образованія государственнаго совѣта въ Россіи", прил. VII, стр. 14—20.

[3]) Этотъ „Обстоятельный манифестъ о восшествіи Е. И. В. на Всероссійскій престолъ" былъ переизданъ въ 1764 г. въ сборникѣ указовъ Екатерины II; по распоряженію императора Павла (П. С. З., № 17759) онъ былъ выдранъ по возможности во всѣхъ экземплярахъ этого сборника, а равно уничтоженъ и въ отдѣльныхъ оттискахъ; и теперь экземпляры сборника 1764 г. съ манифестомъ 6-го іюля попадаются крайне рѣдко; въ П. С. З. онъ также не вошелъ. Онъ перепечатанъ въ IV-й книгѣ „XVIII-го вѣка", 216—223; см. Сборникъ, VII, 105—106.

было бы изъято государемъ отъ этого совѣта, иначе—всѣ дѣла, восходящія до государя, а, слѣдовательно, и всѣ рѣшенія, отъ него исходящія, непремѣнно проходятъ черезъ совѣтъ. Въ пп. 6—11 опредѣляется уже устройство канцеляріи при этомъ совѣтѣ, причемъ въ п. 10 читаемъ: „всякое новое узаконеніе, актъ, постановленіе, манифестъ, грамоты и патенты, которые государи сами подписываютъ, должны быть контрасигнированы тѣмъ статскимъ секретаремъ, по департаменту котораго то дѣло производилось, дабы тѣмъ публика отличать могла, которому оно департаменту принадлежитъ". Еслибы въ этомъ пунктѣ можно было видѣть постановленіе, что безъ подписи статсъ-секретаря распоряженія государя не имѣютъ силы, то мы имѣли бы ясное доказательство, что совѣтъ долженъ былъ ограничить самодержавную власть русскихъ государей; но крайняя неясность редакціи допускаетъ и такое толкованіе, что исходящее отъ государя рѣшеніе статсъ-секретарь *обязанъ* былъ контрасигнировать и что, слѣдовательно, вышеприведенный пунктъ имѣлъ въ виду дѣйствительно только ближайшее опредѣленіе канцелярскаго дѣлопроизводства въ совѣтѣ; къ тому же онъ и помѣщенъ среди пунктовъ, говорящихъ именно о канцеляріи совѣта. Послѣ п. 11 въ манифестѣ говорится уже о раздѣленіи сената на департаменты.

Вотъ главныя черты предположеннаго устройства этого совѣта. Цѣль его высказана въ самомъ началѣ манифеста, именно—подчинить теченіе дѣлъ государственнымъ законамъ и изъять его отъ сильнаго вліянія отдѣльныхъ личностей, фаворитовъ; подробное развитіе и доказательство примѣрами мысли о неправильности и вредѣ для государства существовавшаго прежде въ Россіи порядка составляетъ содержаніе докладной записки Н. И. Панина, сопровождавшей проектъ манифеста.

Въ запискѣ своей [1]) Панинъ говоритъ, что за всѣми „судебными" по его выраженію, мѣстами— коллегіями, конторами, канцеляріями, наблюдаетъ сенатъ; но онъ призванъ не къ тому, чтобы издавать новые законы; его обязанность только согласовать дѣйствія всѣхъ находящихся подъ его наблюденіемъ мѣстъ съ существующими уже законами. При отсутствіи же учрежденія, спеціальною задачею котораго было бы изданіе новыхъ законовъ, эти законы часто издавались разновременно и „скоропостижно", безъ надлежащаго согласо-

[1]) Сборникъ, III, 202—209.

нанія вновь издаваемыхъ съ существовавшими уже прежде. Панинъ говоритъ, что „главное, истинное и общее о всемъ государствѣ попеченіе“ и власть издавать новые законы „замыкается въ персонѣ государевой“; государь же „никакъ инако ее въ полезное дѣйство произвести не можетъ, какъ разумнымъ ея раздѣленіемъ между нѣкоторымъ малымъ числомъ избранныхъ къ тому единственно персонъ“. Поэтому необходимо установить „формою государственною верховное мѣсто лежисляціи или законоданія, изъ котораго, яко отъ единаго государя и изъ единаго мѣста истекать будетъ собственное монаршее изволеніе, все оживотворяющее, оградитъ самодержавную власть отъ скрытыхъ иногда похитителей оныя“. Ничего подобнаго въ предшествовавшее время Панинъ въ Россіи не находитъ и подвергаетъ самой строгой критикѣ ходъ дѣлъ въ Россіи послѣ Петра Великаго вообще, а особенно — времена Елизаветинской конференціи, конференціи-монстръ, какъ онъ ее называетъ, при чемъ высказываетъ нѣсколько очень здравыхъ мыслей и вѣрное пониманіе потребностей государства вообще; въ этой части записки Панинъ вполнѣ опредѣленно обрисовывается, какъ настоящій государственный человѣкъ. Заключается докладная записка такими словами: „Впрочемъ, всемилостивѣйшая государыня! я, исполняя такимъ образомъ мое вѣрноподданнѣйшее *обязательство* и *повиновеніе*, долженъ съ подобострастіемъ примѣтить предъ Вашимъ Величествомъ, что есть, *какъ вамъ извѣстно*, между нами такія особы, которымъ, для извѣстныхъ и имъ особливыхъ видовъ и резоновъ противно такое новое распоряженіе въ правительствѣ. И потому не возможно В. И. В. почесть совсѣмъ оконченнымъ къ пользѣ народной единое ваше всевысочайшее соизволеніе *на сей-ли* предложенный *проектъ*, или *на что другое*, по требуетъ еще оно вашего монаршаго попеченія и цѣломудренной твердости, чтобъ совѣтъ В. И. В. взялъ тотчасъ свою форму и приведенъ бы былъ въ теченіе, ибо почти не возможно сомнѣваться чтобъ при самомъ началѣ тѣ особы не старались изыскивать трудностей къ остановкѣ всего или по послѣдней мѣрѣ къ обращенію въ ту форму, какову они могутъ желать. *Въ такомъ случаѣ несравненно полезнѣе теперь по ней сдѣлать установленіе*, нежели допустить такъ, какъ прежде бывало, развращать единожды установленное“. Вотъ содержаніе документовъ, доставляющихъ намъ наиболѣе обстоятельныя свѣдѣнія о проектѣ Императорскаго совѣта.

Обращаясь къ разсмотрѣнію вопроса о роли Н. И. Панина въ этомъ дѣлѣ, мы не находимъ никакихъ показаній современныхъ этому

дѣлу свидѣтелей, которые бы рисовали намъ участіе въ немъ Панина въ такомъ свѣтѣ, въ какомъ обыкновенно его изображаютъ въ ученой литературѣ. Общераспространенное мнѣніе основано только на *вѣроятности* подобныхъ притязаній со стороны Панина, въ виду извѣстнаго положенія Екатерины въ первое время ея царствованія, затѣмъ—на неправильномъ, по нашему мнѣнію, толкованіи заключительныхъ словъ докладной записки Панина, на незначительности поправокъ, изъ-за которыхъ Екатерина возвращала черновой проектъ; наконецъ, видятъ въ нѣкоторыхъ фразахъ наставленія, даннаго Екатериною князю А. А. Вяземскому при назначеніи его генералъ-прокуроромъ, выраженіе ея неудовольствія на Панина за этотъ проектъ. Разсмотримъ же теперь, правильно ли будетъ на основаніи имѣющихся у насъ данныхъ сдѣлать заключеніе, что Панинъ настаивалъ предъ императрицею на утвержденіи непріятнаго и подозрительнаго ей проекта.

Какъ уже сказано, ближайшіе свидѣтели тогдашней придворной жизни въ Россіи ничего не говорятъ о такой роли Панина. Конечно, вообще молчаніе того или другаго свидѣтеля не можетъ служить показаніемъ противъ существованія факта, еслибы какія нибудь другія свѣдѣнія давали большое основаніе предполагать его; но въ данномъ случаѣ такое молчаніе получаетъ особое значеніе, потому что нѣкоторые изъ этихъ свидѣтелей о проектѣ Панина упоминаютъ, и тѣ же самые свидѣтели, которые очень склонны сообщать вообще всевозможные слухи объ интригахъ и борьбѣ партій при Петербургскомъ дворѣ и сообщаютъ ихъ во множествѣ [1]),—въ данномъ случаѣ рѣшительно ничего не говорятъ о притязаніяхъ Панина ограничить власть императрицы. Что касается положенія Екатерины въ первое время, то несомнѣнно, что оно было очень не легко и многіе изъ окружавшихъ ее пользовались этимъ, являясь съ разными претензіями и притязаніями; мы можемъ возстановить даже многія подробности этой картины, не говоря уже о несомнѣнности самого этого факта [2]). Но, какъ бы ни признавали мы несомнѣннымъ такое положеніе Екатерины, какъ бы сильною ни представляли себѣ зависимость ея отъ окружавшихъ ее лицъ, нельзя, все-таки, не видѣть. что императрица была въ зависимости не отъ одного какого-либо человѣка, и даже не

---

[1]) См., напримѣръ, Сборникъ, т. XII, 38, 44. 46, 75, 76, 114, 125; т. XXII, 40—43. 75, 84, 94—96 и др.

[2]) См., напримѣръ, Сборникъ, т. VII, 91; т. XII, 53; *Соловьевъ*, т. XXV, изд. 2, 159—160; *Русскій Архивъ*, 1891, № 5, стр. 5.

отъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ личностей, а именно отъ всѣхъ ее окружавшихъ; и если несомнѣнно, что на многое не могла она рѣшиться въ случаѣ, еслибы ея намѣренія шли слишкомъ въ разрѣзъ съ желаніями большинства ее окружавшихъ, то столь же, и даже еще болѣе несомнѣнно, что и никто другой не былъ въ силахъ заставить ее что либо сдѣлать противъ ея воли. Въ послѣднихъ словахъ докладной записки Панина, по нашему мнѣнію, нѣтъ того смысла, какой видитъ въ нихъ Соловьевъ, который говоритъ, что, предлагаемыя Панинымъ средства могли казаться недѣйствительными „и это-то недѣйствительное средство предлагается съ такою настойчивостью: есть люди, которые не одобряютъ учрежденія совѣта, такъ императрица не должна обращать вниманія на ихъ мнѣнія, не должна прежде рѣшенія важнаго дѣла выслушивать различныя мнѣнія о немъ, только при учрежденіи совѣта должна отказаться отъ совѣта, подписать, не думая, поданный проектъ!“ [1]). Выше приведены заключительныя слова записки; намъ кажется, что тамъ именно этой настойчивости-то вовсе нѣтъ: Панинъ напоминаетъ императрицѣ о тѣхъ трудностяхъ, какія неизбѣжно она встрѣтитъ, если захочетъ придать настоящую силу совѣту, если захочетъ, чтобы онъ дѣйствовалъ не на бумагѣ только, а давалъ бы чувствовать свое вліяніе во всемъ ходѣ государственныхъ дѣлъ; онъ совѣтуетъ лучше отказаться отъ учрежденія совѣта, чѣмъ впослѣдствіи портить и передѣлывать разъ учрежденное. Что касается поправокъ въ текстѣ манифеста, то намъ кажется совершенно очевиднымъ, что отъ существованія ихъ нельзя заключать, будто бы императрица хотѣла ими только затянуть дѣло: текстъ манифеста при своей излишней краткости, при далеко не достаточно опредѣленной формулировкѣ правъ и обязанностей совѣта, давалъ полную возможность тянуть дѣло несравнено долѣе; черезъ два съ половиной мѣсяца послѣ подписанія манифеста 28-го декабря Екатерина нашла же возможнымъ оставить у себя на семь мѣсяцевъ докладъ о правахъ и преимуществахъ русскаго дворянства, представленный ей специальною коммиссіею, при чемъ, однако, никто не станетъ утверждать, что императрица не желала его утверждать, тѣмъ болѣе, что она впослѣдствіи и дѣйствительно его осуществила. Наконецъ, проектъ Панина вовсе не единственная бумага, носящая ясные слѣды того, что императрица внимательно ее читала и исправляла, подобныхъ примѣровъ можно указать не мало [2]).

[1]) *Соловьевъ*, т. XXV, изд. 2, стр. 172.
[2]) См., напримѣръ, Сборникъ, VII, 235—268, 328, 376—391 и др.

Въ наставленіи князю А. А. Вяземскому, когда онъ назначенъ былъ генералъ-прокуроромъ, находится слѣдующая фраза: „иной думаетъ, для того, что онъ долго былъ въ той или другой землѣ, то вездѣ по политикѣ той его любимой земли все учреждать должно, а все другое безъ изъятія заслуживаетъ его критики. не смотря на то, что вездѣ внутреннія распоряженія на нравахъ націи основываются“ [1]),—и въ этихъ словахъ видятъ иногда намекъ на Панина, который долго былъ въ Швеціи, гдѣ, какъ извѣстно, существовалъ совѣтъ при королѣ, въ значительной степени ограничивавшій королевскую власть. Возможно, что въ наставленіи князю Вяземскому Екатерина имѣла въ виду Панина, но въ такомъ случаѣ она ошиблась и дала несомнѣнно невѣрное (быть можетъ, даже сама это чувствуя) объясненіе его участію въ проектѣ, отверженіе котораго стало уже несомнѣннымъ фактомъ: трудно найдти что либо общее въ организаціи и правахъ совѣта, предложеннаго въ проектѣ Панина, и шведскаго государственнаго совѣта. Въ Швеціи совѣтъ или сенатъ состоялъ изъ 12-ти членовъ изъ аристократическихъ фамилій; члены эти назначались королемъ, но изъ списка кандидатовъ, составленнаго сеймомъ, и сеймъ имѣлъ право исключать изъ совѣта тѣхъ членовъ, которыми былъ почему либо недоволенъ; совѣтъ этотъ былъ отвѣтственъ единственно передъ сеймомъ и находился подъ наблюденіемъ секретнаго комитета, избиравшагося сеймомъ же, при чемъ и въ этотъ комитетъ попадали преимущественно члены аристократическихъ фамилій, потому что и на сеймѣ преобладала аристократія. Четыре члена сената составляли частный совѣтъ короля, въ которомъ онъ имѣлъ только одинъ голосъ; два члена совѣта обязательно сопровождали короля во всѣхъ его поѣздкахъ; вообще вся дѣятельность короля находилась подъ постояннымъ контролемъ совѣта; съ теченіемъ времени къ совѣту перешло право назначать на высшія мѣста въ арміи и издавать за своею печатью распоряженія отъ имени короля [2]). Сравнительно со шведскимъ государственнымъ совѣтомъ въ учрежденіи, предложенномъ Панинымъ, нѣтъ ни одной изъ тѣхъ гарантій, которыхъ такъ много въ шведскомъ совѣтѣ, противъ усиленія власти и вліянія государя; кромѣ того, намъ кажется положительно невозможнымъ, чтобы Панинъ, который если не ежедневно, то уже почти навѣрно еженe-

---

[1]) Сборникъ, VII, 346.

[2]) *Щеглов*, Государственный совѣтъ въ Россіи, 196—198; *Geffroy*, Gustave III et la cour de France, I, 9—10.

дѣльно велъ переговоры о подкупѣ отдѣльныхъ членовъ шведскаго сената, и столько разъ добивался рѣшеній, выгодныхъ для Россіи и невыгодныхъ для Швеціи, чтобы онъ избралъ за образецъ государственнаго совѣта для Россіи шведскій сенатъ.

Наконецъ, противъ вывода, что Панинъ явился съ этимъ проектомъ самостоятельно и настойчиво, можно сказать еще слѣдующее: еслибы это было такъ, то, по отверженіи проекта, было бы положительно невозможно для Панина сохранить свое вліяніе, даже просто оставаться при дворѣ. Какъ бы ни было исключительно положеніе Панина въ тогдашнемъ петербургскомъ обществѣ (что оно было таково, отрицать нельзя, и на это Панинъ имѣлъ всѣ права по своему уму и своей дѣятельности), — при дворѣ значеніе и вліяніе его никогда не было преобладающимъ и опаснымъ; скорѣе ему приходилось отстаивать свое значеніе противъ партіи графовъ Орловыхъ и примкнувшаго къ нимъ гр. Бестужева-Рюмина; и если Екатерина въ февралѣ 1763 г. могла дать Бестужеву очень ясно почувствовать свое неудовольствіе на ходатайство его за Арсенія Мацѣевича, если въ началѣ 1764 года она могла такъ круто обойдтись съ гр. З. Г. Чернышевымъ, вызвавшимъ ея неудовольствіе, хотя за нимъ стояла сильная партія, то несомнѣнно, она могла бы избавиться и отъ Н. И. Панина, еслибы считала это необходимымъ; та фраза въ проектѣ манифеста, въ которой Екатерина увидала общее поношеніе ея предшественниковъ на русскомъ престолѣ, оскорбительное и ея персональной славѣ, была бы совершенно достаточнымъ предлогомъ для этого. Между тѣмъ предложенный Панинымъ проектъ не только не вызвалъ для него никакихъ подобныхъ послѣдствій, но въ началѣ ноября 1768 г., когда въ виду начинавшейся войны съ Турціей Екатерина рѣшила собрать при дворѣ совѣтъ, она обратилась къ Панину со слѣдующею запиской: „Графъ Никита Ивановичъ. Прошу васъ мнѣ сказать по совѣсти, кого вы думаете лучше посадить въ совѣтъ, о которомъ мы говорили. Напишите хотя теперь на цидулкѣ. Екатерина"; Панинъ отвѣтилъ на эту записку письмомъ въ тотъ же день или въ слѣдующій (3-го ноября), а 4-го ноября утромъ былъ уже собранъ во дворцѣ совѣтъ въ томъ именно составѣ, какой предложилъ гр. Панинъ [1]).

---

[1]) Сборникъ. X, 302; *Даневскій*, „Исторія образованія государственнаго совѣта въ Россіи", прил. VIII, 20—21; Архивъ государственнаго совѣта, I, ч. I, стр. 1. Хотя для рѣшенія вопроса о томъ, имѣлъ Н. И. Панинъ въ данномъ случаѣ въ виду ограниченіе императорской власти или не имѣлъ, наилучшимъ, основнымъ

Итакъ, разсмотрѣвъ обстоятельства, при которыхъ предложенъ былъ Панинымъ его проектъ, и относящіяся къ этому дѣлу извѣстія, мы приходимъ къ выводу, что Панинъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ вовсе не противъ воли и не помимо желанія императрицы. Такой выводъ подкрѣпляется еще и тѣмъ, что мы находимъ нѣкоторыя и прямыя указанія на извѣстную долю участія императрицы въ этомъ дѣлѣ; правда, указанія эти сами по себѣ не довольно несомнѣнны, но въ связи съ вышеизложеннымъ они являются достаточнымъ доказа-

---

источникомъ слѣдовало бы, повидимому, признать именно составленные имъ проектъ манифеста и докладную записку, *или*, во всякомъ случаѣ, какія нибудь другія бумаги. несомнѣнно самому Н. И. Панину принадлежавшія, однако иногда думаютъ доказывать, что таковы были намѣренія Панина, хотя они и не высказаны прямо,—ссылками на свидѣтельства нѣкоторыхъ другихъ лицъ объ образѣ его мыслей. Такими съ особенною увѣренностью изображаетъ намѣренія Н. И. Панина Михаилъ Александровичъ Фонвизинъ въ своихъ запискахъ, полностью напечатанныхъ за границей въ 1859 г., а съ нѣкоторыми сокращеніями—въ разказѣ о первыхъ годахъ XIX вѣка—въ 42 томѣ *Русской Старины* 1884 г.); слова Фонвизина и служатъ главнымъ основаніемъ, чтобы приписывать Н. И. Панину намѣреніе ограничить императорскую власть. Но внимательное и спокойное разсмотрѣніе этихъ записокъ покажетъ, что мы не имѣемъ никакого права на основаніи ихъ усвоивать Н. И. Панину намѣренія и взгляды, прямо расходящіеся съ тѣмъ, о чемъ онъ говоритъ самъ въ несомнѣнно имъ составленномъ документѣ. Записки эти написаны черезъ *91 годъ* послѣ возникновенія проекта (въ 1853 г.), черезъ *70 лѣтъ* послѣ смерти Н. И. Панина; уже вслѣдствіе одного этого вполнѣ законно подозрѣніе, вѣрно ли передаетъ М. А. Фонвизинъ слова и мнѣнія Панина. Обращаясь же къ внимательной провѣркѣ, на сколько точенъ авторъ записокъ въ передачѣ фактовъ, которые мы можемъ установить съ несомнѣнностью, мы встрѣчаемъ такое обиліе совершенно очевидныхъ ошибокъ, что полная невозможность исправлять что либо на основаніи записокъ Фонвизина становится вполнѣ ясною. Авторъ пересказываетъ проектъ Панина ограничить императорскую власть въ такихъ чертахъ, которыя не имѣютъ *рѣшительно ничего общаго* съ извѣстнымъ Панинскимъ проектомъ, а по вопросу о власти сената *прямо ему противорѣчатъ*. Можетъ даже явиться сомнѣніе, о томъ ли самомъ говоритъ М. А. Фонвизинъ; но отвѣтъ долженъ быть таковъ, что Фонвизинъ имѣлъ въ виду несомнѣнно событія 1762 года и только до неузнаваемости извратилъ то, что слыхалъ. По его словамъ, въ началѣ манифеста, которое онъ, будто бы, помнитъ наизусть, находилась фраза: „просвѣщенный ясностію сея истины и великими качествами души одаренный монархъ, *принявъ бразды правленія, тотчасъ почувствуетъ*, что власть дѣлать зло есть несовершенство" и т. д.; а затѣмъ будто бы „слѣдовала политическая картина Россіи и исчисленіе всѣхъ золъ, которыя она терпитъ",—ясно, что вышеприводенную фразу императрица могла объявить отъ своего имени только въ самое первое время восшествія на престолъ, а не черезъ нѣсколько уже лѣтъ; къ тому же и въ написанномъ Панинымъ манифестѣ 1762 г., дѣйствительно,

тельствомъ въ пользу нашего мнѣнія. Въ докладной запискѣ Панина мы находимъ въ двухъ мѣстахъ указанія, что онъ представилъ записку и манифестъ по повелѣнію императрицы: именно, въ одномъ мѣстѣ: „во исполненіе Всевысочайшаго Вашего Императорскаго Величества мнѣ повелѣнія, я здѣсь подношу“ и т. д.; другое подобное же указаніе находится въ вышеприведенныхъ заключительныхъ словахъ докладной записки. Затѣмъ, въ манифестѣ отъ 6-го іюля прямо заявлено отъ имени императрицы: „наиторжественнѣйше обѣщаемъ нашимъ императорскимъ словомъ узаконить такія государственныя установленія, по которымъ бы правительство любезнаго нашего оте-

---

вслѣдъ за вступленіемъ говорится о тяжеломъ положеніи Россіи и о безпорядкахъ въ ея управленіи. Относить разказъ Фонвизина именно къ 1762 году побуждаетъ и то, что авторъ, очевидно, отдѣляетъ отъ этого событія „заговоръ“ 1773—1774 гг., а на пространствѣ между этими двумя эпизодами самое смѣлое воображеніе не указываетъ какихъ либо иныхъ попытокъ Панина ограничить власть Екатерины. Относительно „заговора“ 1773—1774 гг. замѣтимъ только, что несомнѣнно Фонвизинъ связалъ съ именемъ Панина извѣстное дѣло Сальдерна, какъ это и указалъ еще Д. Ѳ. Кобеко („Цесаревичъ Павелъ Петровичъ“, изд. 3, стр. 104; см. еще Сборникъ Имп. Р. И. О., т. 72, 394—395,—вышелъ уже послѣ книги г. Кобеко). Но, помимо этого разказъ М. А. Фонвизина заключаетъ массу неточностей: по его словамъ, проектъ былъ писанъ Д. И. Фонвизинымъ „подъ руководствомъ Панина“; но Д. И. Фонвизинъ поступилъ на службу къ Панину лишь послѣ 1767 года, а до того времени былъ при И. П. Елагинѣ; затѣмъ, онъ склоняется принять намекъ Левека на причины смерти вел. кн. Натальи Алексѣевны, вполнѣ опровергаемыя перепискою по этому поводу съ Ассебургомъ (*Кобеко*, „Цесаревичъ Павелъ Петровичъ“, 124); наконецъ, по его словамъ, послѣ неудачи заговора „фельдмаршалъ Панинъ“ уѣхалъ въ Москву, а князь Н. В. Рѣпнинъ въ свое намѣстничество, между тѣмъ какъ Н. И. Панинъ фельдмаршаломъ не былъ, въ Москвѣ жилъ уже съ 1770 года и въ Петербургъ не пріѣзжалъ, а князь Н. В. Репнинъ не могъ въ 1773—1774 г. удалиться въ свое намѣстничество, потому что намѣстникомъ смоленскимъ онъ былъ назначенъ въ 1777 г. въ 1774—1777 гг. это мѣсто занималъ А. И. Глѣбовъ, а князь Репнинъ въ 1772 г. лѣчился за границей, съ 1773 г. былъ въ дѣйствующей арміи, гдѣ и подписалъ прелиминарныя мирныя условія. Такимъ образомъ показанія М. А. Фонвизина оказываются совершенно невѣрными почти во всѣхъ случаяхъ, гдѣ мы можемъ его провѣрить. Точно также никакимъ образомъ не могутъ быть признаны особенно цѣнными тѣ замѣчанія о взглядахъ Панина, которыя иногда почерпаются изъ записокъ княгини Дашковой; княгиня Дашкова не можетъ быть тоже считаема въ числѣ свидѣтелей неоспоримо достовѣрныхъ. Поэтому нельзя не признать ошибочною попытку на основаніи подобныхъ заявленій приписывать Н. И. Панину такія побужденія и цѣли, которыя идутъ прямо въ разрѣзъ съ его дѣятельностью и съ несомнѣнно ему принадлежащими планами.

чества теченіе свое имѣло" [1]). Такая фраза врядъ ли могла бы быть помѣщена въ такомъ важномъ манифестѣ, еслибы императрица не представляла уже себѣ болѣе или менѣе ясно, что она подразумѣвала въ такомъ обѣщаніи; но еслибы идея о государственномъ совѣтѣ была ей совершенно чужда и даже враждебна, то Панинъ не могъ, конечно, въ первую же недѣлю царствованія разъяснить ее императрицѣ на столько, чтобы она уже обѣщала ея осуществленіе. Появленіе у Екатерины какого-либо проекта, подобнаго Панинскому, было совершенно естественнымъ уже по одному тому, что въ правленіе Петра Θеодоровича тоже существовало предположеніе устроить государственный совѣтъ [2]); вступивши на престолъ, Екатерина занялась сама всѣми тѣми вопросами, которые были затронуты въ предшествовавшее правленіе: она пересмотрѣла манифестъ о вольности дворянской, вопросъ о монастырскихъ крестьянахъ; совершенно естественно, что она не оставила безъ вниманія и проектъ государственнаго совѣта, и весьма вѣроятно, что, имѣя въ виду осуществить своею властью существовавшее уже предположеніе, Екатерина и дала свое „торжественнѣйшее" обѣщаніе въ манифестѣ 6-го іюля. Мы имѣемъ и прямыя указанія, что Екатерина задумывалась надъ этимъ вопросомъ и бесѣдовала по поводу его съ разными лицами. Такъ, указаніе на это мы находимъ уже въ приведенныхъ выше словахъ докладной записки Панина, тамъ, гдѣ онъ говоритъ, что, какъ императрицѣ извѣстно, есть люди, которымъ не нравится новое предположенное учрежденіе, что они навѣрно сдѣлаютъ попытки привести его въ такую форму, какой они сами желаютъ, и что, если нѣтъ твердой рѣшимости провести это дѣло, то лучше сразу же поступить по мысли противниковъ проекта, чѣмъ послѣ передѣлывать сдѣланное. Затѣмъ, фельдмаршалъ Минихъ получилъ отъ Екатерины II порученіе составить для нея записку объ учрежденіи въ Россіи государственнаго совѣта. Когда было дано ему это порученіе—мы точно не знаемъ, но въ декабрѣ 1763 г. значительная часть его труда была уже готова [3]). Такъ называемыя „Записки" Миниха, составленныя съ цѣлью доказать необходимость для Россіи государственнаго совѣта, заканчиваются планомъ его, который въ общихъ чертахъ имѣетъ сход-

---

[1]) Сборникъ. VII; 208; „XVIII вѣкъ", VI, 222.

[2]) *Щегловъ*, Государственный совѣтъ, 648—652; *Даневскій*, Исторія образованія государственнаго совѣта, прил. III—VI, стр. 4—10.

[3]) Записки фельдмаршала гр. Миниха, С.-Пб. 1874, XVI—XVII.

ство съ Панинскимъ проектомъ. Минихъ исходитъ изъ той же мысли, что необходимо учрежденіе, которое заполнило бы пропасть между сенатомъ, какъ исполнителемъ законовъ, и особою императора, который одинъ можетъ издавать новые законы; число членовъ совѣта онъ опредѣляетъ пятью, при чемъ каждый завѣдуетъ однимъ изъ слѣдующихъ департаментовъ: военныхъ, морскихъ, иностранныхъ, внутреннихъ дѣлъ и финансовъ; роль членовъ совѣта опредѣляется исключительно какъ помощниковъ императора [1]). Если мы знаемъ, что Минихъ писалъ свою докладную записку съ вѣдома императрицы и даже по ея порученію, мы имѣемъ полное основаніе думать, что онъ получилъ отъ императрицы и общія указанія на то, чего она отъ него ожидаетъ; а если при этомъ мы находимъ въ основныхъ чертахъ сходство между запискою Миниха и запискою Панина, мы имѣемъ полное основаніе предполагать, что и второй дѣйствовалъ точно такъ же съ вѣдома императрицы, и, даже, вѣроятно, съ общими указаніями ея.

Подобно тому, какъ впослѣдствіи со своимъ „Наказомъ“, поступила Екатерина и съ этимъ проектомъ: она сообщила его на просмотръ нѣсколькимъ лицамъ. До насъ дошли четыре мнѣнія читавшихъ проектъ лицъ, въ томъ числѣ одно — генералъ-фельдцейхмейстера Вильбоа, другое, — вѣроятно, гр. А. П. Бестужева-Рюмина, третье, повидимому, кого-то изъ Воронцовыхъ; кто былъ авторомъ четвертаго,—совершенно не извѣстно [2]). Ни одно мнѣніе не благопріятно проектированному учрежденію вполнѣ; три послѣднихъ, впрочемъ, главное вниманіе обратили на чисто внѣшнюю сторону его, и говорятъ о наименованіи совѣта и о титулѣ его членовъ, о канцелярскихъ порядкахъ при немъ и т. д.; серьезнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ съ рѣшительнымъ неодобреніемъ отнесся къ проекту ген. Вильбоа; онъ высказалъ предположеніе, что члены совѣта слишкомъ приближены къ государю и могутъ прійдти къ мысли подѣлить съ государемъ его власть; онъ находилъ, что подъ видомъ защиты самодержавной власти проектъ стремится къ ограниченію ея въ пользу аристократіи. Намъ кажется, что въ данномъ случаѣ Вильбоа не правъ; члены совѣта ни малѣйшимъ образомъ не были поставлены въ сколько нибудь исключительное положеніе относительно государя; они имъ только назначались и даже не были несмѣняемы; государь имѣлъ вся-

---

[1]) Записки гр. Миниха, 95—99.

[2]) Сборникъ, VII, 217—221; Архивъ кн. Воронцова, XXVI, 1—4; *Blum*, Ei Russischer Staatsmann, I, 144—146.

каго рода возможность сильнѣйшимъ образомъ влiять на нихъ. И если нельзя, конечно, утверждать, чтобы изъ среды совѣта никогда не возникло никакой попытки ограничить верховную власть, то нельзя не признать и того, что организацiя совѣта или права и преимущества его членовъ ничѣмъ не дѣлали такую попытку болѣе опасною для императорской власти; какъ и во всякомъ другомъ подобномъ случаѣ, дѣло рѣшилось бы тѣмъ, на чьей сторонѣ была бы умственная и нравственная сила и сочувствiе народа; но слишкомъ трудно себѣ представить, чтобы императорскiй совѣтъ когда либо могъ въ понятiи народа стать выше и дороже, чѣмъ русскiй государь.

Вслѣдствiе ли поданныхъ мнѣнiй, или по какимъ нибудь другимъ причинамъ, но императорскiй совѣтъ не былъ учрежденъ, и на Панина, который, какъ мы старались доказать, былъ въ данномъ случаѣ лишь исполнителемъ воли императрицы, пало нѣкоторое нареканiе за его проектъ; отраженiе недовольства императрицы мы видѣли въ наставленiи кн. Вяземскому. И это совершенно понятно: какъ бы то ни было, Панинъ былъ авторомъ неудавшагося проекта, а очень возможно, что онъ, въ разговорахъ, совѣщанiяхъ, и защищалъ его нѣсколько даже болѣе, быть можетъ, чѣмъ и самъ находилъ въ сущности нужнымъ; это явленiе совершенно естественное; разъ человѣкъ, по какимъ бы то ни было причинамъ, является съ тѣмъ или другимъ проектомъ, онъ, очевидно, обязывается къ защитѣ въ немъ и такихъ частныхъ положенiй, которыя, быть можетъ, кажутся и самому ему не совсѣмъ несомнѣнными. Въ силу вышеизложенныхъ соображенiй и зная тонкiй, замѣчательный умъ Панина, мы держимся убѣжденiя, что онъ въ данномъ случаѣ вовсе не проводилъ своихъ собственныхъ, дорогихъ ему идей, а представилъ свой проектъ потому, что вопросъ о проектѣ былъ на очереди, и надо было принять участiе въ его разрѣшенiи. Когда же дѣло не устроилось, Панинъ ни мало не чувствовалъ своего положенiя неловкимъ, пользовался безграничнымъ довѣрiемъ императрицы во всѣхъ внѣшнихъ дѣлахъ и съ замѣчательнымъ искусствомъ, съ умомъ истинно государственнаго дѣятеля и со стремленiями истинно русскаго человѣка доставилъ Россiи на дипломатическомъ поприщѣ рядъ блистательныхъ успѣховъ.

Не учрежденный законодательнымъ актомъ совѣтъ этотъ, однако, началъ, какъ кажется, свое существованiе. Екатерина какъ будто хотѣла не только прочесть докладныя записки по вопросу объ учрежденiи въ Россiи государственнаго совѣта и не только замѣчанiя на

манифестъ о немъ, но и посмотрѣть, что можетъ выйдти изъ его дѣятельности на практикѣ. Вмѣстѣ съ манифестомъ и запискою Панина хранится небольшой листокъ, на которомъ рукою Екатерины написано слѣдующее: „число совѣтниковъ: Гр. Ал. Бестужевъ, гр. Кир. Разумовскій, гр. Мих. Воронцовъ, князь Яковъ Шаховскій, Никита Ивановичъ Панинъ, гр. Захаръ Чернышевъ, кн. Мих. Волконскій, гр. Г. Орловъ. Департаменты: внутренній—Никита Ивановичъ Панинъ, чужестранный—графъ М. Воронцовъ, военный—графъ Захаръ Чернышевъ, морской"—далѣе не дописано [1]). И вотъ, 11-го февраля 1763 г. эти самые восемь сановниковъ были призваны въ коммиссію, созванную при дворѣ и получившую лично отъ императрицы порученіе пересмотрѣть указъ о вольности дворянства „для приведенія его содержанія въ лучшее совершенство" и „между собою совѣтовать, какимъ отъ насъ особливымъ собственнымъ государственнымъ установленіемъ россійское дворянство могло бы получить въ потомки свои изъ нашей руки залогъ нашего монаршаго къ нему благоволенія"; коммиссіи поручалось „учредить такія статьи, которыя бы наивящше поощряли ихъ (дворянъ) честолюбіе къ пользѣ и службѣ нашей и нашего любезнаго отечества" [2]). Только въ секретари къ этой коммиссіи былъ назначенъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Г. Н. Тепловъ, и ни генералъ-прокуроръ А. И. Глѣбовъ, ни генералъ-рекетмейсторъ И. И. Козловъ,—не смотря на то, что оба они, и особенно генералъ-рекетмейстеръ по роду его обязанностей, были бы, казалось, необходимы въ такой коммиссіи,—не были приглашены въ нее. Засѣданія и работы коммиссіи начались 15-го февраля того же года, а 18-го марта коммиссія поднесла императрицѣ свой докладъ; этотъ докладъ пролежалъ у императрицы почти семь мѣсяцевъ, и только 11-го октября возвращенъ коммиссіи съ нѣкоторыми замѣчаніями императрицы и съ предписаніемъ заготовить манифестъ и законы, принявши во вниманіе сдѣланныя императрицей замѣтки; а въ этотъ промежутокъ времени, 17-го апрѣля того же 1763 г., Екатерина дала еще „Указъ собранію, въ которомъ совѣтъ происходилъ о вольности дворянской" [3]). Знаменательно уже самое обращеніе къ этому „собранію" безъ всякаго возстановленія его состава; оно разсматривается какъ бы продолжающимъ свое существованіе. На этотъ разъ коммис-

[1]) Сборникъ, VII, 201.
[2]) Сборникъ, VII, 232—233; П. С. З., № 11751.
[3]) Сборникъ, VII, 279.

сіи поручено было разсмотрѣть вопросъ большой важности и не имѣвшій вмѣстѣ съ тѣмъ ни малѣйшаго отношенія къ тому, для чего была коммиссія собрана первоначально, именно, вопросъ о раздѣленіи сената на департаменты,—и опять не былъ приглашенъ къ участію въ работахъ ея никто изъ сенаторовъ и даже генералъ-прокуроръ сената. Далѣе о работахъ и занятіяхъ этой коммиссіи мы ничего не знаемъ, кромѣ того, что 19-го октября 1763 г. она подала императрицѣ свой отвѣтъ по поводу предписанія составить манифестъ и законы о правахъ благородныхъ [1]). Со стороны императрицы не послѣдовало на это никакого отвѣта и это есть послѣднее извѣстное намъ упоминаніе объ этой коммиссіи; именной указъ о раздѣленіи сената на департаменты, вышедшій 15-го декабря 1763 г. [2]), ничего не говоритъ объ участіи, какое имѣла эта коммиссія въ его разработкѣ.

Вотъ всѣ свѣдѣнія о недолговременной и—признаемся — отчасти даже предположительной только дѣятельности того совѣта, о проектѣ котораго мы говорили. Но во всякомъ случаѣ сохранившіеся памятники работъ въ этой коммиссіи тѣхъ самыхъ восьми человѣкъ, которые предназначались въ число императорскихъ совѣтниковъ, на столько любопытны, что заслуживаютъ полнаго вниманія [3]).

15-го февраля начались засѣданія коммиссіи, а 26-го февраля графъ Бестужевъ-Рюминъ предложилъ въ коммиссіи поднести императрицѣ титулъ „матери отечества"; коммиссія, знавшая, конечно, что уже ранѣе точно такое же предложеніе графа Бестужева-Рюмина было отклонено лично самою императрицею, отвѣчала на этотъ вызовъ уклончиво и, послѣ похвалъ добродѣтелямъ и талантамъ государыни, продолжала „разсужденіе о статьяхъ, касающихся до права о вольности дворянской". 5-го марта графъ М. И. Воронцевъ внесъ предложеніе, „чтобы различить между дворянами, тѣми, кои служить не будутъ, старыя и новыя фамиліи, особливо титрованныя, предсѣданіемъ и другими отличностями"; коммиссія отклонила и это предложеніе, ссылаясь на рѣшеніе Петра Великаго, чтобы „знатное дворянство по годности считать". Докладъ, поднесенный коммиссіею Екатеринѣ, состоитъ изъ вступленія и 21 статьи, при чемъ за каждою слѣдуетъ „изясненіе" на неё, содержащее мотивировку предлагаемаго постановленія. Во вступленіи развивается мысль, что „нѣтъ ни ма-

---

[1]) Сборникъ, VII, 265—266.
[2]) П. С. З., № 11989.
[3]) Сборникъ, VII, 238—266.

лаго сумнѣнія чтобы просвѣщеніе увидѣвшіе дворяне или уже и родившіеся въ ономъ, обратились къ прежнему нерадѣнію о службѣ", и что „нѣтъ уже никакого сравненія нынѣшняго дворянства съ тѣмъ, которое не токмо въ деревняхъ, но и въ самыхъ столичныхъ городахъ за нѣсколько лѣтъ укрывалось отъ службы и пагубою своею оную называло", поэтому, по мнѣнію коммиссіи „никакой нужды не видится принужденіе дѣлать къ службѣ, ... и остается выборъ только дѣлать въ произведеніи тѣхъ, которые благонравіемъ и добрымъ въ наукахъ воспитаніемъ въ службѣ себя отличаютъ". Далѣе докладъ довольно близко придерживается манифеста о вольности дворянства: дворянству подтверждается полная свобода служить или не служить, но всякій не служившій дворянинъ долженъ уступать мѣсто всякому оберъ-офицеру; разрѣшается дворянамъ вступать въ службу въ другія государства и даже выходить вовсе изъ русскаго подданства, утверждается право дворянъ распоряжаться своимъ имуществомъ и завѣщать его; обезпечиваются родовыя имущества отъ конфискаціи и т. д. Новостью являются статьи 13-я и 16-я. Изъ нихъ первая гласитъ: „чтобы ни по какому доносу и подозрѣнію дворянинъ никакимъ образомъ штрафованъ не былъ, покуда передъ судомъ изобличенъ и виновенъ не явится, и чтобы въ отличность разночинцамъ отъ всякаго тѣлеснаго наказанія былъ онъ свободенъ". Статья 16-я содержитъ слѣдующее постановленіе: „противу дворянина за криминальныя дѣла и смертныя убійства доказательства требуются вящшія, нежели противъ недворянина"; въ изъясненіи же на эту статью читаемъ: „Благороднорожденнаго преступленіе больше сумнѣнію подвержено, нежели худороднаго. Первый, имѣючи воспитаніе, не столь скоро злое дѣло предпріемлетъ, какъ послѣдній, который и на зло такъ, какъ на настоящее свое добро, часто взираетъ. А потому что положено для вкорененія честолюбія въ дворянина не прикасаться къ нему никакимъ тѣлеснымъ истязаніемъ, то и доказательства противу дворянина вящшія требуются нежели противу худороднаго". Докладъ коммиссіи императрица почему-то весь переписала своею рукою, при чемъ внесла нѣсколько редакціонныхъ поправокъ, значительно удлинила заключеніе, и какъ всему документу, такъ особенно заключенію, придала нѣсколько болѣе почтительный, или, лучше сказать, болѣе вѣрноподданническій тонъ [1]). Докладъ

[1]) Такъ, напримѣръ, въ докладѣ написано было Тепловымъ: „въ нынѣшнее премудрое правленіе трудолюбивой и пекущейся объ отечествѣ всемилостивѣй-

былъ возвращенъ коммиссіи 11-го октября 1763 года вмѣстѣ съ высочайшимъ повелѣніемъ сочинить законы и манифестъ и поднести все это на высочайшее подписаніе. 19-го октября коммиссія подала императрицѣ по поводу этого повелѣнія новый докладъ; онъ является послѣднимъ извѣстнымъ намъ актомъ дѣятельности этой коммиссіи и по содержанію своему заслуживаетъ быть приведеннымъ цѣликомъ:

„Сего октября 11-го дня статскій дѣйствительный совѣтникъ Тепловъ объявилъ намъ высочайшее В. И. В. повелѣніе, чтобы мы, вслѣдствіе поднесеннаго нами В. И. В. отъ марта 18-го дня всеподданнѣйшаго доклада съ изображенными въ немъ статьями о вольности дворянской, сочинили законы и манифестъ и какъ то, такъ и другое поднесли къ высочайшему В. В. разсмотрѣнію. Принявъ такое всемилостивѣйшее В. В. повелѣніе съ достодолжнѣйшимъ нашимъ повиновеніемъ, смѣлость пріемлемъ донести всеподданнѣйше В. И. В., *что законы не могутъ быть сочинены, не зная подлинно и точно тѣхъ вольностей, которыми В. В. восхотите великодушно пожаловать россійское дворянство,* ибо въ прежде поданномъ докладѣ изображенныя статьи о вольности дворянской *такой союзъ между собой имѣютъ, что* при сочиненіи законовъ *отъ одной статьи къ другой необходимо имѣть взаимное уваженіе,* почему въ томъ же докладѣ Вашему Величеству мы смѣлость приняли изъясниться, что таковые законы тогда будутъ сочинены и въ народѣ особливымъ манифестомъ объявлены, когда Вашему Величеству угодно явится конфирмовать право вольности дворянской. Но какъ все оное зависитъ отъ прозорливости Вашего Величества, то мы всеподданнѣйше докладываемся. *не соизволите-ли Ваше Императорское Величество именно опредѣлить, какія вольности дворянству пожаловать соизволите, какія*

шей государыни"; Екатерина исправила такъ: „въ нынѣшнее премудрое правленіе *Вашего Императорскаго Величества столь* трудолюбивой" и т. д. Въ докладѣ стояло: „то не повелѣно ли будетъ въ силѣ той и сочинить актъ, написанный на пергаментѣ по всемилостивѣйшему утвержденію"; Екатерина исправила: „сочинить актъ и *оный поднести* на пергаментѣ" и т. д. Заключеніе въ докладѣ, писанномъ Тепловымъ,—чисто дѣловаго характера; Екатерина начала его такъ: „Въ сихъ статьяхъ, Всемилостивѣйшая Государыня, мы, нижеподписавшіеся, старалися изобразить милость, щедроту и великодушіе Вашего Императорскаго Величества къ дворянству россійскому. Блаженство рожденныхъ благородно и благоденствіе всего народа въ имперіи Вашей божественный теперь Промыселъ опредѣлилъ попеченію и сохраненію Вашего Величества, а потому и предаемъ слабѣйшее сіе наше разсужденіе на проницательное и высочайшее ваше разсужденіе" и т. д. (Сборникъ, VII, 241, 244, 264).

перемѣнить и какія вовсе отставить. Симъ образомъ узнавъ Вашу высочайшую волю, *мы примемъ* съ благоговѣйнымъ сердцемъ и рабскою благодарностью все то, что дворянству пожаловано будетъ, *за основаніе* и приступимъ къ сочиненію законовъ. А инако, *ежели законы прежде будутъ сочинены* по тѣмъ статьямъ, каковы въ докладѣ изображены, *а послѣ Вашему Величеству угодно явится статьи о вольности перемѣнить* или и вовсе иныя отставить, *то и сочиненные законы не только союзъ между собою потеряютъ, но и всѣ по большей части перемѣнѣ подвержены останутся, чрезъ что и время для сочиненія оныхъ не малое напрасно будетъ употреблено*. На сіе ожидаемъ Вашего Императорскаго Величества высочайшей резолюціи".

Докладъ этотъ такъ и остался у императрицы; высочайшей резолюціи не послѣдовало; никакихъ другихъ свѣдѣній о томъ, чтобы императрица снова обращалась къ этой коммиссіи въ томъ же ея составѣ,— нѣтъ. Но по имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ о дѣятельности этой коммиссіи мы видимъ, что едва-ли можно было бы ожидать какого нибудь новаго, болѣе здраваго направленія въ русскомъ законодательствѣ XVIII вѣка, еслибы эти восемь человѣкъ получили значеніе „Императорскихъ совѣтниковъ", какое имъ одно время предназначалось.
